

Тревожная молодость

В ДВАДЦАТЫХ годах в село Красный Яр Самарской губернии приехала молоденькая синеглазая учительница, только что окончившая университет. Сдерживая волнение, вошла она в 5-й класс на свой первый самостоятельный урок. Десятки пар синих, черных, серых, но одинаково лобзательных глаз с интересом уставились на учительницу, сковывая движения, затрудняя дыхание, вызывая краску на девичьем лице. Сотни раз в воображении Фаня Андреева репетировала свой первый урок, варьируя на все лады, и никогда не думала, что с таким трудом дастся ей эта простая фраза: «Здравствуйте, дети».

В классе тихо-тихо. Мальчишки и девчонки смотрят на нее. «Они ждут от меня чего-то необыкновенного», — с волнением и благодарностью думает девушка, каким-то шестым чувством угадывая, что понравилась ребятам. Проглотив сухой комочек, застрявший от волнения в гортани, начала Фаня свой первый рассказ по обществоведению. Говорила горячо, вдохновенно. Подбирала самые красивые, самые убедительные, на ее взгляд, слова, какие часто звучали на лекциях в университете, на диспутах, в спорах. И вдруг, приостановившись на минуту, увидела по поведению ребятшек, по их безразличным, отсутствующим взглядам, что нет, не понимают они ее. Смуглилась, сбилась с возвышенного тона, кое-как довела урок до конца.

А вечером, забравшись в заросли на берегу речушки Сок, с отчаянием думала: «Нет, не смогу я быть учительницей ребят. Мой язык не понятен для них. Что же делать? Где найти простые, ясные слова, которые прочно ложились бы в сознание моих ребятшек?». Мысленно она уже называла их «своими». И поэтому нужно было найти путь к сердцу ребят.

Начались бессонные ночи. Были выписаны все газеты и журналы, какие только можно было выписать тогда, взята на вооружение вся оказавшаяся в школе методическая литература. Стала Фаня работать и над своей речью. Писала конспекты уроков, искала замену каждому слову, чтобы, произнесенное, оно выражало наиболее точно и объемно нужное понятие. Ездил в Самару, училась у опытных педагогов. И стена непонимания, выросшая в первые дни работы между учительницей и учениками, постепенно рассыпалась, и, наконец, побежденная, рухнула. И не было теперь большей радости для Фаньи Ивановны, чем видеть на уроке, как ее знания обогащают детские умы.

Всего год поработала в селе Красный Яр девушка, но оставил этот год большой след в ее жизни. Здесь активно включилась она в общественную жизнь молодого государства. Делала доклады в избирательные для молодежи, читала лекции для населения, выступала стенографисткой, организовывала лекбезы, выступала на учительских конференциях.

Через год перевели молодую учительницу в село Екатеринбургское, что раскинулось на самом берегу Волги. Сегодня Фаня Ивановна с волнением вспоминает те три с половиной года, которые прожила она в этом приволжском селе. Вспоминает традиционные учительские «среды», где обсуждались все новинки методической литературы, читались литературные журналы, где спорили и делились опытом. Фанье Ивановне не хватало 24-х часов. К каждому уроку по-прежнему готовилась тщательно, глубоко продумывала темы. А общественная работа стала долгом девушки.

В стране создавались колхозы. Не дремало и кулачье. Оно распалало собственнические инстинкты у крестьян. Сельская интеллигенция вела разяснительную работу. И в первых рядах была Фаня Ивановна.

А вечером урывала несколько минут и бежала на берег великой реки — помечтать, выплакать свои неудачи, пережить радость.

КОРО Фаня Ивановна будет отмечать 40-летний юбилей работы в школе. Теперь ей уже трудно вспомнить все письма, которые она получила от своих бывших учеников. Их сотни, из разных концов страны — из Сибири и с Донбасса, с Камчатки и Дальнего Востока, с берегов Амура и из Прибалтики. Но первое, самое первое письмо, полученное на втором году своей педагогической деятельности, она помнит до сих пор. Получила она его из Красного Яра от Ленки Пермякова, улыбочивого и непоседливого парня. В свое время много огорчений принес он молодой учительнице. Да и не только ей. Но нашла она стезю-дорожку к озорному Ленкиному сердцу, привязалась парнишка (да разве только он один!) к отзывчивой и строгой, доброй и требовательной «учительше» своей. Писал Ленка о том, что скачуют они, мальчишки и девчонки, о ней, жалуют об ее отъезде, «и лучше бы Вы не уезжали, Фаня Ивановна, от нас. Мы бы еще больше слушались Вас и никогда не разговаривали на уроках. И очень хотим мы все быть похожими на Вас — такими грамотными и добрыми до людей...»

Долго сидела девушка на крутом волжском бере-

гу в гущающихся сумерках, перечитывая много раз Ленино послание с клаской на последней странице. «Похожими на Вас», — тревожно думала. — Это же трудно, что

очень трудно быть образцом для мягких, как воск, характеров ребятшек. А надо! Обязательно надо, раз уж я выбрала себе этот путь!

Зрелость

ТАГАНРОГ 30-х годов был совсем не таким, как сегодня. Булыжные мостовые, искосерканные тротуары, извозчики, мокнувшие под нудным ноябрьским дождем — все это произошло на Фаню Ивановну, приехавшую в 1930 году в Таганрог, типичное впечатление. Но коллектив 9-й семилетней школы встретил ее так тепло, когда она пришла на работу, что дурило впечатление от города рассеялось в прах.

И опять учеба, самозабвенная работа, большая дружба со своими питомцами. Когда через два года перевели Фаню Ивановну в школу № 10, где она работает и теперь, она уже знала, что с Таганрогом теперь не расстанется.

— Настоящую закалку, — говорит учительница, — я приобрела именно здесь, в 10-й школе. Школа наша считалась образцовой, и к нам приходили и приезжали учителя из различных городов страны, из других школ города. Ну, разумеется, мы старались не ударить в грязь лицом, давать уроки так, чтобы у нас могли поучиться другие.

МНОГО больших и маленьких радостей было в жизни Фаньи Ивановны. Но ни одна из них не сравнится с той, какую испытала она, когда после

ЕСТЬ у писателя Юрия Олеши, — рассказывает Фаня Ивановна, — такие слова: «Ни дня без строчки». Очень хорошие слова и относятся они, конечно, не только к писателям. Ни дня без того, чтобы чего-то не узнать нового, не передать своих знаний, умения людям, что-то сделать нужное, полезное. И я решила, что не могу, просто не имею права

останавливаться на том, что у меня есть. Останавливаться — значит отстать. А мы, учителя, должны быть, так сказать, впередсмотрящими. Ведь мы воспитываем людей будущего и поэтому сами должны постоянно пополнять свои знания. Я постоянно училась. Училась у своих опытных коллег, ездила на курсы усовершенствования учителей в Ростов и в Москву, занималась самоподготовкой, тщательно изучала произведения классиков марксизма-ленинизма, читала методическую литературу.

Мне уже 60 лет, почти 40 из них я провела за учительским столом. Но я до сих пор учусь. Я знаю, что каждый урок — открытие для ребят. И чтобы это открытие не стало скучным, простым, сухим, нужно тщательно готовиться к каждому уроку. Трудно теперь подсчитать, сколько уроков я дала за свою жизнь. Были, конечно, и неудачи. Но во всяком случае я смело могу сказать, что ни на один урок я не пошла неподготовленной. Я могу не поспать, даже не поесть, лишиться удовольствия пойти в кино или в театр, но пойти к детям чего-то не доработав. Не домыслив, в чем-то сомневаясь, чего-то не узнав до конца по теме своего урока, я просто не в состоянии. И если я вижу, что ребята слушают меня заинтересованно, что запоминают все, сказанное мной, я чувствую глубокое удовлетворение. Это и есть радость труда, радость творчества!

ЗАДУМЧИВО смотрит совсем уже седая учительница на ветки оголенного осенним заморозком вяза. Кто знает, о чем думает в эту минуту, кого из бывших своих учеников вспоминает она. Стали они врачами и конструкторами, учителями и строителями, металлургами и архитекторами, моряками и монтажниками... А около 20 человек пошли по стопам своей любимой учительницы — стали преподавателями истории.

— Много радости было у меня в жизни, — говорит Фаня Ивановна. — Каждый прожитый день приносит радость. Ведь на каждом уроке что-то даешь новое людям, и это новое становится их собственностью, идет вместе с ними в жизнь. А разве не радость, когда узнаешь, что твой бывший ученик стал настоящим человеком и о делах его с благодарностью говорят люди. Вот Евгений Константинович Румянцев стал лауреатом Ленинской премии. А ведь он выпускник нашей школы. И приятно сознавать, что, быть может, частичка нашего труда есть в его замечательной работе. А это не просто радость — это настоящее, большое счастье. Лицо Фаньи Ивановны освещается юношеской улыбкой, и она добавляет: «Тут лучше, чем Маяковский, не скажешь: «Радуюсь я! это мой труд вливается в труд моей республики». Листям себя надежду, что и наш труд тоже вливается... — И смущенно махнула рукой. — Видите, как торжественно получилось. Но это и на самом деле так...»

Учитель... Очень емкое, значимое слово. Благодарная, очень нужная, самая необходимая профессия. Все самое прекрасное на земле — от него, от учителя. И нет без учителя ни токаря, ни землекопа, ни летчика, ни дипломата, ни сталевара, ни хлебороба. Нет ни поэта, ни героя. И в каждом человеке живет частичка души его учителя.

— По моему, — говорит Фаня Ивановна, — это самая счастливая профессия на земле. И хоть двадцать было бы дано мне жизней, осталась бы я учительницей в каждой из них!

З. САМОИЛОВА.

На снимке: Ф. И. Андреева.

УЧИТЕЛЬНИЦА

почти двух лет существования под властью фашистских изуверов увидела звездочки на pilotках вошедших в город советских солдат.

— В окрестностях города еще валился снаряды, а мы смеялись. Мы прикасались руками к запыленным, пропитанным потом гимнастеркам солдат, смотрели на рубиновые, родные звездочки и радость вралась наружу счастливым смехом.

Уже на следующий день после освобождения Фаню Ивановну назначили инспектором школ района. Стали налаживать работу школ. Изголодавшиеся по работе люди с энтузиазмом принялись за организацию. И опять бессонные ночи, полные забот дни. Через несколько дней по городу уже можно было видеть таблички «Школа №...». А в сентябре школы начали работу. Ребята занимались — в одежде — школы нечем было отапливать, при свете дрожащих копилочек — не было ни электричества, ни ламп, ни керосина. Но было самое главное — энтузиазм, желание работать, желание учиться. И занятия шли полным ходом.

А Фаню Ивановну перевели уже на работу в горно. Вралась учительница к своей работе, но понимала, что так надо, что сейчас самое важное — наладить нормальную работу школ. И в 1946 году, когда Ф. И. Андреева возвратилась в свою школу № 10, на ее груди уже поблескивала медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-45 гг.». Скромная медаль, символизирующая большие чувства — любовь к Родине, радость труда, верность и преданность своему делу.

В 1953 году Фаня Ивановна Андреева была награждена орденом Трудового Красного Знамени. Через два года рядом с медалью и орденом на груди засиял значок «Отличник народного просвещения». А в 1957 году народ чествовал Фаню Ивановну в связи с присвоением ей звания заслуженной учительницы школы РСФСР.

— Этот год был для меня необыкновенным, — говорит Фаня Ивановна. — Не только потому, что меня удостоили такого высокого звания. В том году я стала и членом Коммунистической партии. Трудно передать, какое волнение, какую гордость чувствовала я оттого, что принадлежу теперь к великой ленинской партии.

В 1960 году на республиканском съезде учитель Ф. И. Андреева была награждена еще одним орденом — «Знак Почета».

Счастье приносит труд

ГОДЫ неумолимо шествовали своей чередой. Вот уже стали седыми волосы, тонкой сеткой легли морщинки на лицо. И хотя «в душе ни одного седого волоса», но здоровье дает о себе знать. Пожалуй, пора и на покой. Назначили Фаню Ивановну персональную пенсию республиканского значения. Вот теперь может время послушать и для личных целей. Можно походить в кино, театр, почитать интересные книги, заняться разведением цветов. В общем, пришло время отдохнуть от постоянной занятости, вечной нехватки времени, непреходящих забот. Да и здоровьем своим всерьез надо заняться.

Да не тут-то было. Только год побывала у дел Фаня Ивановна и... затосковала. Затосковала о своих неугомонных питомцах, об их любопытных глазах, лобзательности.

— Отдохните, — говорили ей врачи, — нельзя вам переутомляться.

— Да для меня безделье более утомительно, чем работа, — горячо возражала учительница. — Этан я и умереть с тоски могу.

И опять школа, привычное место у карты и десятки милых, лобзательных глаз.